

Глава 10

Пока жизнь во дворце Цзюйань постепенно налаживалась, кое-кто окончательно лишился покоя.

Астрологическое управление располагалось в северо-восточной части императорского города. Его сердцем была величественная девятиярусная деревянная пагода, окруженная тремя дворцами — числом, символизирующим высший предел гармонии. Основал это ведомство еще при первом императоре Чжан Шучуань, выдающийся мастер звездных исчислений. С тех пор искусство толкования небесных знаков передавалось в его роду из поколения в поколение.

Во главе управления неизменно стояли двое: глава и его заместитель, оба из клана Чжан. Остальные десять должностей — исполнителей звездной воли — занимали одаренные люди, набранные из народа. Это было едва ли не единственное место, куда принимали и мужчин, и женщин — здесь ценили талант, а не происхождение, даруя чины за умение читать узоры созвездий.

Влияние Астрологического управления в Великой Чжоу было переменчивым: если государь верил в пророчества, ведомство процветало; если же оставался холоден к предсказаниям, звездочеты превращались в безмолвные тени.

В левом павильоне, окутанном ароматом свежего чая, за столом неподвижно сидела заместитель главы управления Чжан Чаньсы. Ее движения, когда она разливала напиток, были текучими и выверенными, словно ритуал.

— Дядюшка ушел? — негромко спросила она, не поднимая глаз.

— Госпожа заместитель, — почтительно отозвался подчиненный, — недавно приходил невзрачный евнух. После короткой беседы глава поспешил во дворец, судя по направлению — в Цяньцзи.

Чжан Чаньсы сделала глоток, вдыхая терпкий пар.

— Дядюшка с годами становится всё более нерассудительным. Похоже, он напрочь забыл наставления предков.

— Госпожа, быть может, еще не поздно его остановить? — замялся слуга.

Чаньсы лишь печально покачала головой.

— Остановишь один раз — не удержишь во второй. К тому же первая ошибка была совершена слишком давно. Зерно брошено в землю, остается лишь ждать плодов.

Она негромко вздохнула и посмотрела в окно. На каменной стеле перед павильоном, припорошенной остатками снега, четко виднелись высеченные слова основателя рода, Чжан Шучуаня:

«В звездах ищи не богов и демонов, а лишь знаки беды и удачи. Коль в сердце затаил злобу — жди, ибо катастрофа уже в пути».

Дворец Цзычэнь.

— Ваше Величество, — доложил вошедший евнух Юй, — глава Астрологического управления просит аудиенции.

Император Чунчжао на мгновение замер.

В его недавнем сне черная комета — предвестница хаоса — рухнула именно туда, где обитали звездочеты. Государь не спешил обсуждать это видение и не звал Чжан Фаньмина для расспросов, полагая, что сон был лишь плодом его воображения. И вот теперь этот человек пришел сам.

— Впусти, — холодно распорядился он.

Главы ведомств в управлении менялись редко, и Чжан Фаньмин был лишь вторым преемником со дня основания. Чунчжао правил твердой рукой, не жаловал колдовство и суеверия, а потому звездочеты долгое время пребывали в немилости. И лишь когда после смерти наложницы Юнь пророчество о перерождении греховного плода начало сбываться, о них вспомнили вновь.

Чжан Фаньмин пал ниц, совершая торжественный поклон.

— Желаю Вашему Величеству долгих лет и вечного здоровья.

— Зачем пришел?

Фаньмин поднял голову, и лицо его было сама серьезность.

— По делу покойной наложницы Юнь, государь.

При этом имени сердце евнуха Юя невольно екнуло. Эта женщина давно стала запретной темой, тайной раной в душе монарха.

В зале повисла тяжелая тишина. Она длилась так долго, что звездочет покрылся холодным потом, прежде чем услышал краткое:

— Говори.

— До третьего дня рождения Маленького принца осталось всего полгода, — начал Фаньмин. — Это решающее время для того, чтобы душа наложницы Юнь обрела покой и смогла благополучно переродиться. Однако, наблюдая за движением светил, я обнаружил: греховная мощь, которую несет в себе Седьмой принц, непомерно возросла. Это пагубно влияет на будущую судьбу госпожи, грозя лишить ее мира в ином воплощении.

В мыслях Чунчжао тут же всплыл образ из сна: Юэцин, которая с такой нежностью спрашивала, на кого похож их сын. Государь задумчиво коснулся изумрудного кольца на большом пальце.

— Что я должен сделать, чтобы она переродилась в покое?

— Дворец Цзюйань, где сейчас живет принц, хоть и удален от ваших покоев, всё же находится слишком близко к государю. Кровная связь позволяет греховной силе ребенка подпитываться вашей императорской аурой. Не нужно великих перемен. Достаточно на эти полгода отослать Маленького принца еще дальше.

— Дальше? — переспросил Чунчжао.

— Прочь из императорского города. В загородный дворец.

Снова наступило молчание. Чунчжао смотрел на склоненную голову звездочета, и сцена из сна — падение черной звезды прямо на пагоду Астрологического управления — стала пугающе отчетливой.

Он не сказал ни «да», ни «нет», лишь небрежно махнул рукой.

— Иди. Я услышал тебя.

Едва покинув покои, Чжан Фаньмин осознал, что, несмотря на зимнюю стужу, его нижние одежды насквозь промокли от пота.

Дворец Цзюйань и так находился на краю мира, Седьмой принц годами не видел отца — какая уж тут связь? У ребенка нет ни поддержки рода, ни веса при дворе, он не угрожает положению старших братьев. Зачем же «тот человек» внезапно потребовал услатить сына наложницы Юнь еще дальше?

Фаньмин потер веко, которое начало нервно подергиваться, и взглянул на пасмурное небо. С того мгновения, как он сделал свой выбор два года назад, пути назад для него больше не существовало.

Чай в чаше императора совсем остыл. Когда евнух Юй хотел подлить свежего, Чунчжао жестом остановил его и сделал пару глотков холодного напитка.

— Сейчас середина зимы. В загородном дворце, должно быть, очень холодно?

Юй ответил осторожно, взвешивая каждое слово:

— То место заброшено, Ваше Величество. Там всегда не хватало ни теплых вещей, ни приличной еды. Думаю, там сейчас нестерпимая стужа.

Чунчжао повертел чашу в пальцах.

— Вели заменить сервиз. У этого слишком яркий узор для зимы, он режет глаз.

— Слушаюсь.

Юй про себя подивился дерзости главы звездочетов — осмелиться помянуть наложницу Юнь перед императором! Но что на самом деле решил государь? Один вопрос о холоде в загородном дворце — и судьба Седьмого принца замерла на чаше весов, ожидая лишь малейшего движения императорской мысли.

После ухода звездочета Чунчжао до глубокой ночи сидел неподвижно в полумраке зала, бесцельно вращая кольцо на пальце. Евнух Юй, склонившись, бесшумно менял догорающие свечи.

— Как думаешь, стоит ли мне и вправду отправить ребенка в ту глушь? — внезапно спросил император. — Я ведь даже не знаю, как он выглядит.

Юй не выказал удивления. Он понимал, какую власть покойная госпожа до сих пор имеет над сердцем императора.

— Старый слуга не смеет судить о таких вещах, — смиренно прошептал он.

Пальцы Чунчжао привычно застучали по столешнице.

Разум твердил: дитя нужно отослать. Осталось всего полгода до конца срока, это самый важный период. Но сон, который раз за разом возвращался к нему, заставлял императора колебаться.

Он откинулся на спинку кресла, и тихий скрип дерева в ночной тишине заставил его очнуться от раздумий.

— Ступайте все.

Евнух Юй кивнул и, сделав знак молодым слугам, бесшумно вывел их из зала.

Когда за дверью всё стихло, Чунчжао трижды постучал по столу: один длинный удар, два коротких и снова длинный.

В тени колонны, словно соткавшись из самого мрака, возник силуэт. Человек опустился на одно колено, храня абсолютное безмолвие.

— Выбери кого-нибудь из стражи литеры И, — распорядился Чунчжао. — Кого-то повнимательнее. Пусть отправится во дворец Цзюйань.

Пусть посмотрит на него. Узнает, чем живет этот ребенок день за днем. Чтобы, если Юэцин снова придет во сне, у него был ответ на ее вопрос.

Пламя свечи качнулось, и тень исчезла. Всё было кончено в одно мгновение, будто и не было в комнате никого, кроме самого государя.

Ночь накрыла императорский город плотным покрывалом.

Теневые стражи императора именовались по знакам небесных стволлов. Двенадцать отрядов, у каждого — своя статья и свои умения. В каждом отряде было по двенадцать воинов, а лучший из них становился главой ветви. Стража литеры И, выбранная императором, славилась своим мастерством в слежке, запоминании и подражании.

Обычно, если государь не указывал на кого-то конкретного, в отряде устраивали поединок: проигравший отправлялся на самое нудное задание — «отрабатывать повинность».

И вот И Шиэр, весь в синяках и ссадинах, облаченный в безликие черные одежды, сидел на голой ветке старого вяза во дворе Цзюйаня. Он бесстрастно взирал на притихший дворец, сжимая в руках свиток и кисть.

Главные покои всё еще светились тусклым огоньком, тогда как боковые флигели стояли темными и пустыми. Под вязом были натянуты веревки: на одной сушились синие халаты евнухов, на другой — крохотные детские рубашки.

Бесшумно, словно ночная птица, он скользнул к окну, из-за которого пробивался свет, и приник к щели в раме. Изнутри доносились приглушенные голоса и смех.

— ...Нет, вы только посмотрите! Мы все втроем рисуем просто ужасно! Это же кошмар, ха-ха-ха!

Цюй Дубянь разложил на столе их общие «труды».

Сам он рисовал правой рукой, и выходило, мягко говоря, нескладно, но рисунки Е Сяююаня и Вэнь Сяочуня оказались еще более нелепыми. Уродство их творений было настолько причудливым, что Дубянь не выдержал и покатился со смеху:

— И всё равно мои каракули — самые симпатичные из всех!

Е Сяююань лишь мягко улыбнулся, а губы вечно угрюмого Вэнь Сяочуня дрогнули в подобии улыбки.

— Конечно, Ваше высочество. Ваши рисунки — лучшие.

Поначалу слуги не хотели переводить дорогую бумагу на такие глупости, но принц настоял, сказав, что это поможет им лучше владеть кистью в будущем. А когда он добавил, что рисовать вместе — гораздо веселее, у них не нашлось сил отказать.

Дубянь сладко зевнул. Его маленькое тело быстро утомлялось: сказывалось скудное питание и перенесенные болезни. Только что он смеялся, а в следующее мгновение глаза его уже начали слипаться.

Е Сяююань ловко подхватил его на руки:

— Ваше высочество, пора в постель.

Дубянь вяло попытался вырваться, но тут же сдался. Сяююань бывал порой невыносимо упрям — он вечно боялся, что принц ударится о край кровати или упадет, карабкаясь сам.

Мальчик быстро скинул одежду и юркнул под одеяло. Там было тепло — заботливые слуги заранее положили грелку с горячей водой.

Е Сяюань и Вэнь Сяочунь не ушли. Принц наотрез отказался отпустить их в холодный боковой флигель, велел спать на тюфяках прямо у его кровати. Слуги долго сопротивлялись — где это видано, чтобы рабы спали в покоях господина? Но когда Маленький принц с покрасневшими глазами жалобно прошептал: «Я не хочу, чтобы вы заболели... Кто тогда будет со мной играть?», их оборона рухнула.

Вэнь Сяочунь, как обычно, не проронил ни слова, но на следующий день Сяюань заметил, что тот метет пол с удвоенным рвением, словно пытаясь вымести из дворца даже малейшую пылинку, о которую принц мог бы споткнуться.

— Ваше высочество хочет сказку? — спросил Е Сяюань, усаживаясь рядом. Лицо Дубяня размягчилось от тепла, руки и ноги согрелись.

— Хочу.

— Тогда закрывайте глазки.

Вэнь Сяочунь, устроившись на своем тюфяке у жаровни, обхватил колени руками и, положив на них подбородок, приготовился слушать.

Сегодня была история о «Великой битве Е Сяюаня с евнухом Фу».

Тот самый мелкий распорядитель с кухни, который вечно обделял их едой, в рассказе Сяюаня превратился в коварного злодея из книжек. Сам же Е Сяюань представал отважным героем, который с помощью хитрости и тридцати шести стратагем добывал пропитание для своего господина. Он так забавно изображал ворчливую мину евнуха Фу, что Дубянь невольно прыснул.

Но Вэнь Сяочунь-то знал, какой ценой им на самом деле доставался каждый кусок. За словами о «веселых приключениях» скрывались унижения и голод. Но теперь, когда всё осталось позади, Сяюань предпочитал превращать их общую боль в сказки, чтобы принц мог засыпать с улыбкой.

Вэнь Сяочунь смотрел в ночную тьму за окном. Он помнил путь беженца до столицы, помнил, как его продали во дворец. Всю свою жизнь он был неприкаянным, но сейчас, в этом тихом, согретом дыханием принца покое, он внезапно почувствовал, что обрел дом.

В комнате было мирно и тепло. Под негромкое бормотание Сяюаня тишина казалась почти осязаемой. Сяочунь подумал: неважно, как оно было на самом деле, если сказка делает принца счастливым — значит, она того стоит.

Когда рассказ подошел к концу, дыхание Дубяня стало ровным и глубоким. Е Сяюань подождал еще немного и, убедившись, что мальчик спит, осторожно переложил его и

устроился рядом с Вэнь Сяочунем.

— Спи.

— Угу.

Вскоре оба слуги погрузились в чуткий сон.

Дубянь на самом деле еще не спал. Он привык к ритуалу, но его взрослая натура всё еще сопротивлялась тому, чтобы его убаюкивали. Обнимая тряпичного тигренка, сшитого Е Сяюанем, он чувствовал, как сознание медленно проваливается в мягкую тьму.

И Шиэр бесшумно, словно тень, скользнул через окно внутрь.

В то же мгновение ледяной голос в голове Дубяня развеял остатки сна:

[Доступен персонаж для сближения: И Шиэр. Уровень симпатии: 0]

<http://bllate.org/book/16117/1582496>